

вы гоголевской книги и включено в нее «как вставная новелла»²¹. Эта новелла не содержит в себе сколько-нибудь обширных экскурсов о быте и нравах России, а там, где Гоголь изображает широкую картину русской жизни, судьба приобретателя постоянно отходит на второй план, уступая место персонажам «второстепенным или даже третьестепенным, хотя главные ходы и пружины поэмы не на них утверждены и разве кое-где касаются и легко зацепляют их» (Г., VI, 19).

Подобное перемещение центра тяжести становится возможным потому, что писатель отказывается от канонического для плутовского романа способа изложения от лица главного героя. Он вводит в «Мертвые души» образ автора — повествователя, который, следуя за приобретателем, не только анализирует и оценивает каждую черту его характера, не только разворачивает картину разложения и духовного оскудения господствующих кругов общества, но и раскрывает нравственно здоровое начало русской нации.

В связи с этим плутовской сюжет в «Мертвых душах» постоянно размыкается вовне. Усмехнется ли гоголевский герой, услышав хлесткое прозвище, данное мужиком Плюшкину, автор тотчас подхватывает это его минутное настроение, и тогда в «Мертвые души» входит вдохновенное размышление о «замашистом, бойком... метко сказанном русском слове» (Г., VI, 109). Останавливается ли на миг Чичиков, пораженный обаянием юности встреченной им девушки, и автор, увлеченный этим видением, погружается в мир «блистающей радости», что «пробудит в нем чувство, не похожее на те, которые суждено ему чувствовать всю жизнь» (Г., VI, 92). Перечитывает ли и пересчитывает Чичиков купчие на приобретенных им крестьян и, возбужденный удачей, на минуту задумается об их прошлом и настоящем — и вот уже автор развивает его мысль до полной и широкой картины русской силы и удачи в труде и в разгулье.

Благодаря этим отступлениям дорога главного героя оказывается включенной в путь, по которому движется автор произведения, и история искателя удачи предстает не в качестве всеобщей закономерности, а только как частный и уродливый случай развития человеческой личности. Судьба мира, созданного воображением писателя, связана не с чичиковской коляской, а с птицей-тройкой, стремительный бег которой символизирует в гоголевском произведении полное и свободное развитие лучших возможностей русского национального характера.

Вот почему для Гоголя оказалось совершенно неприемлемым заглавие, навязанное цензурой, и потому на обложке первого издания «Мертвых душ» он выделяет не это заглавие, а жанровое определение всей книги, глубоко противоположной по своей сущности плутовскому роману.

---

²¹ *Машинский С. И.* Указ. соч., с. 321.